

— Антиквариат? Зачем он тебе понадобился?

В Палате Яньло не было никого, кроме Люцзина, Яньгу и двоих господ Непостоянства — Черного и Белого.

— Ты прав. Только докопавшись до сути, я смогу вернуть долг Цзюцину. Поэтому я решил отправиться в мир людей. А редкая вещь нужна мне лишь для того, чтобы подобраться к Цюй Му.

Яньгу поднялся со своего места.

— И кто только научил тебя этим уловкам со взятками?

"Надо же, как быстро раскусил!"

— Спросил у Бу Вань, — признался Люцзин.

Яньгу спустился с возвышения, мягко рассмеявшись:

— Ну конечно, от кого еще такое услышишь.

Он неторопливо дошел до середины зала и остановился точнехонько между Се Бианем и Фань Уцзю. Развернувшись к Люцзину, так что широкие полы его роскошных одеяний взметнулись легким облаком, он обвел взглядом покой Палаты:

— Если тебе нужен антиквариат, то здесь его хоть отбавля.

Люцзин тоже огляделся, но, кроме неугасимых ламп и драгоценной жемчужины Сюаньли, ничего примечательного не заметил.

— И где же?

— Господин судья, — поспешил вмешаться Фань Уцзю, — да эти лампы и Сюаньли сами по себе бесценные сокровища!

Люцзин остолбенел. Он и представить не мог, насколько обделен тонким чутьем: изо дня в день видеть эти сокровища и даже не догадываться об их истинной цене!

Фань Уцзю, не откладывая дело в долгий ящик, зашел за спину Яньгу, снял с резной подставки одну из жемчужин Сюаньли и бережно опустил в свои ладони. Мягкое изумрудное свечение озарило его лицо.

Люцзин осторожно принял Сюаньли из его рук. Размером с кулак, идеально круглая и гладкая, она отливала чистойшей зеленью. Из самой ее глубины исходило таинственное сияние, приковывающее взгляд.

Яньгу завел руки за спину, его статный силуэт казался еще величественнее в мерцании огней:

— Я могу одолжить тебе эту жемчужину. Но ты должен поклясться, что вернешь ее в целости и сохранности.

— Непременно! Обещаю! — горячо заверил Люцзин.

Глядя на его ликование, Яньгу даже счел немного неловким портить ему настроение.

— Однако за самовольное использование казенного имущества мне придется удержать твое жалованье за месяц.

От этих слов Люцзин едва не выронил Сюаньли. Уж слишком дорого обходилось это расследование: мало того что придется трястись над сохранностью артефакта, так еще и лишаться честно заработанного за целый месяц!

— А договориться никак нельзя? — с надеждой спросил он.

Яньгу тонко улыбнулся и безжалостно отрезал:

— Отчего же, можно. Удержим за два.

"И как только Янь-вана земля носит с такой издевательской ухмылкой?"

Из Палаты Яньло Люцзин выходил сам не свой, бережно прижимая к груди жемчужину Сюаньли. Наказание все-таки удвоили: за самоуправство с казенным добром и за самовольную отлучку со службы.

"Да уж, загробная жизнь, где даже отгул выпросить невозможно, просто невыносима"

Шаги Фань Уцзю, следовавшего за ним, звучали легко и уверенно. Заметив постную мину спутника, он попытался подбодрить его:

— Господин судья, ну не хороните вы себя раньше времени. Владыка ведь отрядил нас со Стариной Седьмым вам в подмогу. Это ли не забота?

Пожалуй, это была единственная хорошая новость. Яньгу действительно разрешил Се Бианю и

Фань Уцзю сопровождать Люцзина в мир смертных.

Правда, Люцзина одолевали смутные сомнения. Если они с Фань Уцзю примут человеческий облик, то сойдут за обычных людей, но как быть с Се Бианем? Неужели Белому Непостоянству и среди живых придется щеголять со своим жутким, свисающим до груди алым языком?

Оказалось, судья просто недооценивал призрачных посыльных. Стоило Се Бианю принять плотское обличие, как от прежнего пугающего образа не осталось и следа. Длинный язык исчез, да и само его лицо разительно переменялось.

Теперь перед ними стоял статный, удивительно благообразный юноша с живым румянцем на щеках. На нем были изящные белоснежные одежды, расшитые узором в виде плывущей рыбы — столь искусно выполненной, что казалось, ее темные глаза вот-вот моргнут. На поясе покачивалась подвеска из ценного сандала, при каждом шаге источавшая едва уловимый благородный аромат.

С такой внешностью он мог без труда соперничать с любым небожителем. Неудивительно, что Се Биань всегда держался с таким непоколебимым достоинством.

Фань Уцзю облачился в темно-изумрудный халат. Сразу чувствовалось родство: узор на его наряде в точности повторял вышивку названного брата, только рыба была черной с белыми глазами. Фань Уцзю уступал Се Бианю в росте и выглядел гораздо строже, однако смешинки, таящиеся в глубине его глаз, мгновенно располагали к себе.

Люцзин-то к ним обоим давно привык, а вот какотреагируют простые смертные — оставалось лишь догадываться.

Но прежде чем искать встречи с Цюй Му, следовало уладить одно важное дело. Как предупреждала Бу Вань, подобраться к богачу напрямую не получится. Цюй Му появлялся только на ежемесячных собраниях ценителей древностей, где вел дела через своего доверенного посредника — Лю Цинсяна.

— Лю Цинсян, владелец крупнейшей красильни в Южном округе, — рассказывал Се Биань. — Известен на всю округу двумя вещами: безумной страстью к женскому полу и животным страхом перед собственной супругой.

Их троица сошла с лесной тропы у самых городских ворот. В мире смертных стоял душный августовский полдень. Обретение плоти вернуло им давно забытые телесные ощущения — налившиеся тяжестью ноги, плотность воздуха, — но, будучи порождениями чистой иньской прохлады, они почти не замечали палящего зноя, разве что слепило глаза от яркого солнца.

— Бабник под каблуком? — хмыкнул Фань Уцзю. — Этот Лю Цинсян явно ищет приключений на свою голову.

Они вышли на оживленный тракт. Вокруг сновал люд: кто-то шел пешком, груженный узлами, кто-то гарцевал верхом, то и дело их обгоняли неповоротливые повозки. Смертные торопились по делам, не обращая никакого внимания на трех праздных путников, шедших бок о бок и увлеченно переговаривающихся.

— Звучит как отличная зацепка, — заметил Люцзин, поворачиваясь к Се Бианю. — Только где нам искать этого почтенного господина?

Се Биань лишь загадочно прищурился. Фань Уцзю перевел взгляд с него на Люцзина и усмехнулся:

— Только не вздумайте предложить нарядить кого-то из нас девицей для приманки. Хотя, господин судья, если уж на то пошло, вы у нас самый миловидный. Стоит обдумать этот план!

Он принялся демонстративно и с самым серьезным видом оценивать фигуру судьи. Даже Се Биань не удержался и с любопытством покосился на Люцзина. Тот лишь закатил глаза, в душе горько сожалея, что взял с собой это ходячее наказание.

— Обойдемся без крайностей, — рассмеялся Се Биань. — Есть одно место, где он бывает практически каждый день.

Южный округ встретил их праздничным гулом и суетой. По обеим сторонам мощеной улицы теснились лавки и чайные, над которыми лениво колыхались на ветру яркие винные флаги. Зазывалы наперебой выкрикивали хвалу своим товарам, у лотков толпился народ: кто-то на ходу уплетал дымящуюся лапшу, кто-то придирчиво разглядывал ткани. Повсюду кипела жизнь.

Косые лучи солнца золотили серую черепицу крыш и резные карнизы высоких теремов, выкрашенных в сочные, праздничные цвета. Город дышал теплом, хвастаясь своим богатством и довольством.

Мимо плыла пестрая толпа: почтенные старцы, важные ученые в длинных шелковых халатах, скромные девицы и ушлые заезжие торговцы. Время от времени этот людской поток расступался, пропуская всадников или дорогие экипажи под заливистый конский ржач.

Се Биань свернул в один из тихих переулков позади торговых рядов. Здесь, прямо у тихой речной заводи, раскинулась череда нарядных усадеб. У ворот самой роскошной из них толпилась праздная публика. Место это носило весьма поэтичное название, за которым скрывалось обыкновенное заведение для утех — «веселый терем».

Само здание казалось сошедшим с изящной тушевой картины: бирюзовые резные наличники, ярко-алые стены, благоухание благовоний и цветов, струящееся сквозь полуоткрытые окна, а также доносящиеся изнутри тихий девичий смех и нежные переливы лютни.

— А у этого Лю Цинсяна губа не дура, — хмыкнул Люцзин, вдыхая сладковатый воздух. От одного взгляда на этот приют неги тело охватывала приятная истома.

Фань Уцзю удивленно воззрился на него:

— Господин судья, вы что, бывали в подобных местах?

— Да кто же не знает, что это веселый дом? — Люцзин кивнул на изящную вывеску над входом.

Поняв, что спорить бесполезно, Фань Уцзю повернулся к брату:

— Старина Седьмой, ты уверен, что нам стоит туда соваться?

Се Биань степенно кивнул:

— Придется. Но не сейчас. Лю Цинсян заявляется сюда только с наступлением сумерек. Тогда и разделимся.

— А почему бы не зайти прямо сейчас и не оглядеться? — предложил Люцзин. — С виду тут очень даже недурно.

Се Биань мысленно хлопнул себя по лбу. Он и забыл, что их судья лишился памяти и в земных приличиях смыслит не больше младенца.

— Пойдемте-ка лучше найдем приличную чайную, — Фань Уцзю поспешно ухватил Люцзина за рукав и буквально потащил прочь от греховного заведения. — Я угощаю обедом.

Шутки шутками, но если великий Яньгу прознает, что его подчиненные среди бела дня шляются по борделям, они не просто без жалованья останутся — живые позавидуют мертвым.

С наступлением темноты усадьба у реки преобразилась. Здесь яблоку негде было упасть: хмельные гости гоготали во все горло, а разодетые девицы томно вздыхали, заигрывали и провожали их призывными взглядами.

Только теперь до Люцзина наконец дошло, куда именно они направлялись. Ему стало даже немного неловко за свое дневное легкомыслие. Он даже заколебался, стоит ли вообще переступать этот порог.

— Ну и как мы распределим обязанности? — негромко спросил Люцзин, косясь на двери.

Лазутчики уже доложили, что Лю Цинсян скрылся внутри.

— Я отправлюсь к законной супруге нашего красильщика и сообщу, что ее благоверный изволит развлекаться в веселом доме, — с заговорщицкой улыбкой поведал Се Биань. — Уцзю в нужный момент предупредит Лю Цинсяна о грозящей беде, а вы, господин судья, перехватите его с черного хода и уведете в безопасное место.

Люцзин с уважением качнул головой и негромко хлопнул в ладоши:

— Коварный план. Как раз в духе Преисподней.

Се Биань лишь подмигнул на прощание и растворился в толпе. Люцзин и Фань Уцзю остались стоять посреди улицы, переглядываясь.

Люцзин кашлянул в кулак, напустил на себя независимый вид и расправил плечи:

— Ну что, Уцзю, наш черед. Идем.

Фань Уцзю вальяжно ухмыльнулся, вертя в пальцах драгоценную яшмовую подвеску. Люцзин же с легким щелчком раскрыл заранее припасенный веер и принялся неспешно обмахиваться им. С этой легкой полуулыбкой и прищуром он выглядел точь-в-точь как изнеженный столичный щеголь, ищущий легких развлечений.

Стоило им сделать шаг за порог, как их окутало волной дурманящего тепла и сладких ароматов. Здешние девицы славились не только талантами, но и редкой красотой: нарядные шелка облегали точеные фигуры, подчеркивая соблазнительные изгибы тела.

К ним тут же порхнула прелестница. От ее нежного тела исходил тонкий аромат пудры и живое, дразнящее тепло.

— О, благородный господин... Какое новое лицо в наших краях! Неужто заглянули к нам впервые? — пропела она, кокетливо склонив голову. Она могла вскружить голову любому мужчине своим вкрадчивым голосом и обжигающим взглядом.

Люцзин с негромким хлопком свернул веер и, коснувшись его кончиком подбородка девицы, заставил ее приподнять лицо:

— Какая пылкая встреча, прелестное дитя.

У Фань Уцзю от удивления округлились глаза. Люцзин держался настолько непринужденно и естественно, что, не зная он его лично, ни за что бы не поверил, что этот хлыщ не проводит все ночи напролет в подобных заведениях.

"Неужто и впрямь природу не переделать? Видно, страстная натура этого франта не угасла и за несколько перерождений"

Девушка повидала немало гуляк, но этот гость поразил ее в самое сердце. Он был хорош собой, одет с иголочки и явно непросто — это читалось в каждом его ленивом жесте и мягком прищуре. Слишком свободный, слишком независимый для суетного мира смертных.

— Если господин дарит мне свою благосклонность, то как я могу не ответить взаимностью? — кокетливо промурлыкала она.

"Надо же, неужели все здешние барышни падки на сладкие речи?"

— Пожалуй, нам стоит присесть и побеседовать без лишней спешки, — Люцзин фамильярно приобнял ее за талию и слегка притянул к себе.

Девушка послушно прильнула к его боку. Она тихонько и призывно рассмеялась, утыкаясь ему в плечо, и увлекла за собой к уединенной ширме.

Лю Цинсян сразу поднялся на второй этаж, куда пускали только самую изысканную и богатую публику. Поскольку Люцзин и Фань Уцзю преследовали совсем иные цели, они не стали сорить деньгами ради отдельного кабинета наверху, а устроились внизу. Они выбрали угловой столик, откуда прекрасно просматривалась и лестница на второй этаж, и главный вход.

— Должно быть, благородный господин прибыл издалека? Приехали отдохнуть или по торговым делам? — щебетала прелестница, споро разливая вино по кубкам и заказывая лучшие лакомства. Ее ничуть не заботило, водятся ли в карманах этого красавца деньги.

Обмахиваясь веером, чтобы хоть немного разогнать удушливый аромат благовоний, Люцзин снисходительно улыбнулся:

— И все ли красавицы в этом городе столь же проницательны, как ты?

Фань Уцзю, как раз собиравшийся сделать глоток, от такого бесстыдного кокетства чуть не поперхнулся вином.

— Кхе-кхе!.. — Фань Уцзю закашлялся, его лицо мгновенно залило краской.

Люцзин бросил на него предупреждающий взгляд и с самым невозмутимым видом налил ему чаю.

— Потихонечко, милейший. Хорошее вино требует уважения, негоже пить его залпом, — мягко пожурела девушка, пододвигая пиалу ближе к Фань Уцзю. Тот принял ее с преувеличенной

благодарностью, стараясь не смотреть на спутника.

За долгие века службы в Преисподней земные привычки и радости напрочь стираются из памяти. А ведь когда-то, в прошлой жизни, они тоже умели веселиться напропалую. Потом остались лишь бесконечные списки мертвых, охота за неприкаянными душами да вечный спутник Се Биань. Обо всем остальном пришлось забыть.

— Суд... э-э, Люцзин, — едва не оговорился Фань Уцзю, вовремя прикусив язык. — Что-то Старина Седьмой задерживается.

— С минуты на минуту будет, — отозвался Люцзин, неспешно прихлебывая чай.

Девушка придвинулась еще ближе, кокетливо прильнув к его плечу. Ощувив податливую мягкость ее тела, Люцзин слегка смутился и деликатно, без лишней спешки, отстранился на пару дюймов.

— Вы кого-то ждете, господин? — ничуть не обиделась прелестница, продолжая ласково улыбаться.

— Нашего приятеля. Должно быть, застрял где-то по дороге, — чтобы сгладить неловкость, Люцзин сам наполнил ее пиалу свежим чаем. — Юным девам вредно пить много вина.

Фань Уцзю молча наблюдал за этой сценой, чувствуя себя крайне неуютно. В мыслях он истово молился всем богам, чтобы Владыка Яньгу никогда не узнал, какими делами они тут промышляют.

Девушка на мгновение растерялась, глядя на горячую пиалу, а затем бережно обхватила ее ладонями и звонко рассмеялась:

— Надо же. Вы первый гость в моей жизни, который потчует меня чаем вместо хмельного.

— Наш Люцзин просто редкостной доброты человек, — вставил Фань Уцзю, пользуясь моментом, дабы умерить пыл кокетки и избавить товарища от лишних подозрений. — Он со всеми так обходителен.

В глазах прелестницы мелькнуло удивление, но она тут же снова расплылась в улыбке:

— Что ж, тогда мне несказанно повезло повстречать столь благородного господина. — С этими словами она сделала небольшой глоток.

Люцзин промолчал, лишь лениво покачивая веером. Его мысли были уже далеко от этого шумного зала.

<http://bllate.org/book/18339/1865465>